

Т. А. Зимина

ВЕДДЫ ГЛАЗАМИ СИНГАЛОВ: В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

АННОТАЦИЯ. В работе уделяется внимание одному из аспектов взаимодействия двух этнических культур, с давних времен сосуществующих в едином пространстве — пространстве островного государства Шри Ланка. Речь идет о представлениях сингалов, основного населения названной страны, и о веддах — малочисленной этнической группе, проживающей здесь же и считающейся автохтонным населением Ланки. Эти представления выявляются и при анализе известных историко-этнографических текстов второй половины XIX — начала XX века, а в наше время при проведении опросов в ходе личного интервьюирования или через корреспондентов. И в прошлом и сейчас сингалы четко выделяют несколько особенностей этнического облика веддов — это, например, внешний вид, язык, ряд характеристик культурного, бытового, поведенческого плана. К рассмотрению предлагаются лишь некоторые из них, причем те, трансформацию которых можно проследить во времени. Анализ представлений сингалов о веддах позволяет несколько иначе взглянуть на традиционную культуру автохтонов и на место этого народа в общеланкийской истории и современном обществе страны. В частности, становится понятным, почему в научно-популярной литературе и Интернет-материалах нередко сообщается о практически полном исчезновении этого народа, о том, что наши современники, называющие себя веддами, всего лишь изображают потомков древнего населения и воспроизводят стиль их жизни для туристов. Ведь для большинства важным признаком народа, считающегося автохтоном острова, была и остается охота, которая в настоящее время запрещена на государственном уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ведды, сингалы, Шри Ланка, этничность, этнический образ, этнические особенности, атрибуты этнической культуры

УДК 397(548.7)

DOI 10.31250/2618-8600-2019-4(6)-60-74

ЗИМИНА Татьяна Александровна — в.н.с., Российский этнографический музей (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: Ziminat@mail.ru

Ведды и сингалы — народы острова Ланка и государства Шри Ланка, расположенного на нем; ведды считаются его автохтонами, а сингалы составляют основную часть его населения. Общеизвестно, что во взгляде проживающих рядом народов друг на друга обнаруживаются обычно специфические черты культуры и быта, внешнего облика и языка соседа. Они осмысляются как сугубо этнические и определяют его образ — образ чужака; на их основе выстраиваются и определенного рода взаимоотношения. Выделяемые характеристики могут иметь как реальную, так и мифическую подоснову, и получают зачастую в глазах соседей либо положительную, либо отрицательную оценку. Со временем эти особенности, приписываемые этнической группе извне, могут изменяться. Это становится заметным на современном этапе развития общества, когда в хозяйственной и материальной сферах традиционной культуры происходит стирание этнических элементов.

Цель работы — показать некоторые особенности веддов, которые являются характерными для них с точки зрения их соседей-сингалов, причем как прежде, так и в наше время. Данные о представлениях сингалов о веддах в прошлом можно найти в известных историко-этнографических работах, посвященных автохтонам Шри Ланки. Эти работы в основном принадлежат перу европейцев. Между тем большинство авторов-европейцев впервые слышали о веддах от сингалов, и некоторые описания этого народа были составлены по их рассказам. Например, Роберт Нокс (Нокс 2007), англичанин, который провел в качестве пленника сингалов на острове более 20 лет, признается, что лично не видел ни одного ведду (Нокс 2007: 110), и его описания сделаны исключительно с чужих слов, вероятнее всего, со слов представителей основного населения острова. Информация о том, каковы сегодняшние представления сингалов о веддах, об их самобытной культуре в прошлом и настоящем, была собрана нами в результате опросов, проведенных в ходе экспедиции 2013 г. (под руководством Н. Г. Краснодембской)¹, а также корреспондентами Юлией Иванцовой и Ранджаной Д. Сенасинхой в феврале 2012 и январе 2014 гг.²

Следует отметить, что в настоящее время среди сингалов распространено мнение об исчезновении веддов как народа. Поэтому вопросы о том, кого называют веддами, чем они отличаются от сингалов, какова судьба этого народа, стали главными в наших беседах с представителями основного населения Шри Ланки. Предполагалось, что ответы на эти вопросы и размышления о современном состоянии культуры автохтонов позволят выявить характеристики разного уровня — культурного,

¹ Далее ПМЭ.

² Далее ПМК.

антропологического, исторического, социального, языкового, — которые приписываются веддам в прошлом и в настоящем.

По анализу проведенных опросов выделяются две группы информантов. Одну из них составляют те, кто проживает вдали от мест обитания веддов и чье мнение о веддах сформировалось на основе знаний, полученных в школе, и информации, доступной благодаря литературе и СМИ. Как правило, они отмечали, что ведды являются древнейшим населением острова, жителями джунглей, охотниками и собирателями дикого меда, потомками детей легендарной Кувени, приверженцами веры в *яков*, духов умерших. Нередко можно было услышать и о «дикости» веддов: «Ведды — это дикий народ, живущий в джунглях», «лучшие стрелки, дикари, верят в демонов» (ПМЭ). Чаще всего опрашиваемые этой группы видели веддов только по телевизору: в сериалах, реже — в политических программах, посвященных современному состоянию этого народа, в этнографических зарисовках.

Других наших информантов с веддами связывал личный контакт — они либо проживают с ними по соседству, либо встречаются по службе, либо непосредственно занимаются их проблемами и т. д. Их ответы, как правило, представляли собой относительно подробную этнокультурную характеристику веддов, с ярко выраженным оценочным суждением.

ЗАНЯТИЯ ВЕДДОВ

Одной из самых важных составляющих образа жизни веддов сингалы считали и считают их основные занятия — охоту и бортничество. Записи Р. Нокса свидетельствуют о том, что эти занятия, как главная отличительная черта автохтонов, указывались сингалами еще в XVII в.: «Они [ведды] охотятся на Оленей и высушивают их Мясо над огнем, а [другие] люди Страны приходят и покупают его у них»³ (Нокс 2007: 110). Автор упоминал также, что и мед, и воск, и оленья мясо сингалы получали только от веддов, поскольку сами ни охотой, ни добычей меда не занимались.

В глазах сингалов ведды всегда представляли великими охотниками и скалолазами (для добычи меда диких пчел необходимо лазать по скалам). Их успехи «в профессии» связывали с великолепным знанием джунглей — растительного и животного мира, с навыками выслеживания и добычи птицы или зверя и умением уберечься от опасностей, подстерегающих человека в лесу. С ноткой восхищения сингалы делились с европейцами своими впечатлениями о способности веддов бесшумно подкрадываться к любому животному и убивать его с первого выстрела (Кочнев 1978: 208; Краснодарский 2011: 207). Чувство уважения вызывало то, что ведды могли охотиться в одиночку и противостоять при этом крупным животным

³ Такое правописание дано в источнике.

и опасным хищникам; между тем у сингалов была известна только загонная охота на слонов. Р. Нокс называет неправдоподобной басней услышанный им от местных жителей рассказ, о веддском способе ловли слонов: «... когда Слон лежит спящим, они втыкают ему в подошву ноги свой топор и, сделав его хромым, подчиняют его себе» (Нокс 2007: 113).

Многочисленны упоминания о стариках, которые настолько хорошо знали лесное пространство, что, не занимаясь охотой уже несколько лет из-за немощи, могли указать места, где молодые не столь искушенные охотники могли найти и поймать то или иное животное. Эти повествования «перекочевывали» из одних книг про веддов в другие. Так, в разных источниках можно встретить информацию о старике Корагийя. Впервые же о нем написал английский государственный служащий Хью Невилл, оставивший заметки о культуре веддов в конце XIX в. (Маслов 1975; Seligmann 1911). В сингальской среде были известны рассказы о схватках веддов с медведем, грозой джунглей, причем победителем в этой борьбе оказывался человек. Свидетельством таких побед были изуродованные зверем лица и тела охотников, знакомством с этими людьми рассказчики гордились. Сингалы были уверены, что ведды не боятся встреч с медведем, хотя по возможности стараются их избежать, как, впрочем, и с другими дикими и опасными животными — леопардом, слоном, змеями и др., и всегда могут защититься от них.

Современные сингалы продолжают видеть в веддах в первую очередь охотников и добытчиков дикого меда, подчеркивая, что охота — важнейшая отличительная черта их культуры. Отмечая это, наши информанты непременно упоминают о том, что сами сингалы никогда не охотились. Объясняется это мировоззренческими установками, связанными с основным постулатом буддизма, приверженцами которого они являются, — «убивать нельзя». Один из информантов приводит легенду о монахе, принесшем в страну буддизм. В ней говорится, что некогда у предков сингалов существовало такое занятие как охота, были охотничьи уголья, но с принятием буддизма все охотничьи уголья превратились в пашни, потому что «убивать нельзя». Лишь веддам было разрешено охотиться, потому что охота была главным и единственным источником их существования (ПМЭ).

В то же время практически все сингалы утверждают, что сегодня ведды не охотятся или «охотятся мало». Связано это с государственным запретом на охоту в заповеднике, где и находятся основные поселения веддов. Потому многие считают, что поскольку те, кого причисляют к веддам, не занимаются охотой и сбором меда на скалах, то они и не являются «настоящими», «истинными» веддами. Они просто «играют веддов», изображая охотников, скалолазов, сцены охоты, ритуальные танцы, демонстрируя наличие традиционных орудий охоты и владение луком. «Они — хорошие актеры», а их оружие — «музейный экспонат», — делятся своими размышлениями о современных занятиях веддов сингалы (ПМЭ). И если

в прошлом сингалы не осуждали веддов за занятие охотой, то сегодня они чаще занимают другую позицию, обвиняя веддов не только в актерстве, но и в бесконтрольном убийстве животных с целью продажи мяса, шкур, то есть в обогащении за счет убийства животных, и практически поддерживают решение правительства о запрете охоты для веддов. «Ведды нарушали и нарушают этот закон, но сингалы с этим мирились, так как раньше они нарушали его ради питания, а не ради продажи — наживы. А сейчас и они начали продавать, и потому их стали останавливать», — объясняют сингалы (ПМЭ).

СНАРЯЖЕНИЕ

С охотой и бортничеством были связаны и основные орудия труда — лук, стрелы и топорик, они составляли непереносимое снаряжение каждого ведды за пределами его жилища. «Они очень ловко владеют своими Луками. У них имеется небольшой Топор, который всегда заткнут у них на боку, чтобы вырезать Мед из дупел» — писал Роберт Нокс (Нокс 2007: 110). В сингальских хрониках веддов называют «охотниками с луком и стрелой» (Dharmadasa 1990); сингальское «vāddā» этимологически связано с санскритским «vyādhā», что означает «стрелок из лука» (Зимица, Краснодембская 2008: 138–139). По данным того же Р. Нокса, представители основного населения острова прекрасно знали, что все орудия веддов специфичны: «Стрелы, которыми они [ведды] пользуются, отличаются от всех других, а Сингалы таких не употребляют» (Нокс 2007: 113). В подтверждение своих слов англичанин приводит следующую историю: «Король однажды хотел отблагодарить их за хороший Подарок, который они ему принесли, и наделил их всех самыми лучшими из своих накопленных для Стрел; тем не менее, они никак не пришлись им по вкусу. Потому они [тут же] отправились к Скале возле Реки и стали обтачивать их [о камень], чтобы придать другую форму» (Нокс 2007: 113). Во второй половине XIX — первой половине XX в. эти орудия продолжают, по мнению сингалов, оставаться знаковыми предметами культуры веддов. И в это время веддов нередко называют «охотниками с луком и стрелами». Сингалы говорят, что ведды не выпускают свое нехитрое оружие из рук даже на пороге своего жилища, так как опасность может прийти в любую минуту (Драгнов 1968).

О виртуозном владении луком, о небывалой меткости веддов на Ланке складывались легенды. Одна из них приводится Рихардом Шпиттелем. «Однажды кандийский вождь (ratamahatmaya), желая проверить его [известного стрелка Потабанды] возможности в стрельбе, указал на маленький плод на высоком дереве и попросил его попасть в этот плод. Стрела вонзилась прямо в плод, а рассерженный ведда потребовал: “Отдай теперь мою стрелу, ведь это ты просил меня попасть”. Вождь предложил

деньги, которые ведда отверг с негодованием. После этого ведда, взяв другую стрелу, попал ею точно в черенок так, что плод упал. И ведда получил и плод, и стрелу» (Spittel 1927: 14–15). Р. Нокс сообщал, что сингалские правители высоко ценили веддов как стрелков из лука и обращались к ним за помощью в военных операциях. «Однажды, когда Король устраивал спешную Экспедицию против Голландцев, [ее] Командир созвал их всех [веддов], [прося] чтобы они пошли [вместе] с ним, и они на это согласились. И со своими Луками и Стрелами сослужили такую же добрую службу, как и все остальные» (Нокс 2007: 111). О том, что ведды были «очень хорошими стрелками», что это всегда «особо отмечалось» сингалами, потому и «слава о них [как о великих стрелках] распространилась по всему острову», наши уже немолодые информанты слышали еще в детстве (ПМЭ).

Описывая современных веддов, сингалы отмечают все те же предметы из их снаряжения — лук, стрелы и топорик. Рассказывают, что и сейчас в своих поселениях ведды никогда не расстаются с ними: «Они всегда с луком, на плечо надевают топорик — келари, на левое плечо» (ПМЭ). Даже на торговой площади лук и стрелы нередко лежат на циновках рядом с товарами, предлагаемыми для продажи. В любой момент продавец «превращается» в стрелка, демонстрируя гостям свое главное умение. Приезжающие познакомиться с жизнью веддов сингалы убеждаются, что ведды продолжают оставаться отличными стрелками, безукоризненно владея техникой стрельбы из лука, передаваемой из поколения в поколение. Они удивляют зрителей — и взрослых, и детей, — попадая точно в цель, стреляя стоя, сидя или согнувшись. Гости веддских поселений здесь же могут купить небольшой лук-пращу и поучиться у местных стрельбе из него. С луком и стрелами ведды появляются и за пределами своих поселений: с полным снаряжением их можно увидеть на праздниках и фестивалях, где они воспроизводят свои ритуалы, танцуют и поют.

Топорик поистине стал знаковым предметом веддов. Сингалы уверяют, что мужчины не расстаются с ним никогда: «Ведда всегда ходит с топориком на плече» (ПМЭ). С этим оружием-орудием ведду, по словам сингалов, можно увидеть в его поселении, в джунглях, на дорогах, на улицах городов и деревень, в монастырях, в банке, на приеме у президента и даже в самолете.

В сингалском обществе лук (со стрелами и без них) и топорик представляются еще и главными вещевыми воплощениями основных занятий веддов — охоты и сбора дикого меда, даже несмотря на то, что в современном хозяйстве веддов они уже практически не применяются по прямому назначению (Зими́на 2018а: 201).

В целом эти орудия воспринимаются как важнейшие атрибуты веддов, на которые всегда обращают внимание как на своеобразный знак лесного народа. Лук и топорик стали неотъемлемыми составляющими образа

ведды — потомка древних насельников Ланки, жителя джунглей, охотника, скалолаза, бортника. Об этом свидетельствуют и игрушки, изображающие персонажей реальной истории и мифических сказаний, а также жителей современной Шри Ланки, представителей различных этносов, социальных слоев и профессий. Среди них — фигурка ведды с полным набором снаряжения — луком, стрелами и топориком, — или только с одним из этих атрибутов, как правило, топориком (Зими́на, Краснодембская 2008: 142). И как знак веддской этничности в ланкийской современности эти предметы традиционного снаряжения нередко выступают символом самобытности и борьбы народа за сохранение традиций.

ВНЕШНИЙ ВИД

Во времена русского востоковеда И. П. Минаева (Минаев 1878), побывавшего на острове в 1876–1877 годы в разговоре между собой сингалы нередко называли веддов «зверьями», имея в виду в частности их антропологические характеристики. После первой встречи с аборигенами И. П. Минаев написал, что действительно по внешнему виду «ведды легко могут представиться скорее зверьями, нежели людьми» (Минаев 1878: 159). Это представление в большей степени объяснялось такой особенностью физического облика веддов как обволошенность — длинные волосы на голове, непрямые борода и усы, а также волосистой покров на теле. Русский востоковед, например, так описывал тех представителей лесного народа, которых ему удалось увидеть: «У тех и у других [веддов] были усы и борода, тело было покрыто волосами, но далеко не в обилии». Ланкийцы же сообщили ему, что «у самых диких веддов, тех, которых называют Галведда, т.е. ведды пещер, тело густо покрыто волосами...» (Минаев 1878: 168). Р. Нокс, описывая внешние данные «диких туземцев» со слов «развитых туземцев», упоминал только об их длинных волосах и характерной причёске: «Они никогда не стригут волос, но завязывают их в узел на темени» (Нокс 2007: 111).

Сегодня среди основных отличий внешнего облика ведды сингалы всегда называют «черную-черную» кожу, «очень черные» длинные волнистые волосы (некоторые информанты приводили сравнение с «короткими кучерявыми волосами сингалов»), распущенные по плечам или собранные в пучок на затылке, усы и бороду мужчин (ПМЭ). В антропологической классификации ведды действительно занимают особое место: они дали название веддоидному типу большой экваториальной (негроидно-австралоидной) расы, представители которой обладают темной кожей и средней степени развитости третичным покровом, то есть волосистой покров на теле и лице у них значительно слабее, чем у большинства австралоидов, а также у европеоидов. (Вопросы по теории...). С точки зрения большинства опрашиваемых, эти особенности свидетельствует о внешнем

несовершенстве веддов, поскольку одним из признанных признаков человеческой красоты является, например, светлая кожа. Отсюда, вероятно, и происходит нежелание многих сингалов признать родство с веддами, о чем упоминал видный сингальский ученый Н. Д. Виджесекера: «Мало кто из современных ланкийцев избежал хотя бы косвенного влияния веддов. Мы можем горячо отрицать любое родство, но наши черты лица и этнические элементы выдают нас» (цит. по: Кочнев 1978: 201). Заметим, что цвет кожи многих наших информантов-сингалов был значительно темнее, чем у некоторых веддов. Лишь один из наших респондентов восхищался красотой веддов, главными признаками которой он посчитал здоровую кожу и глаза необычной яркости (ср. его высказывание: «у них и кожа другая, лучшего качества, и глаза светятся, они ярче, чем у нас»), а также телосложение (ПМЭ).

Специфичную внешность веддов дополняет и специфичный наряд: «Ведды, — говорят сингалы, — всегда ходят полуголые и с топорами» (ПМЭ). Мужчины-ведды непременно закрывают нижнюю часть тела и оставляют обнаженной верхнюю; на плечо же всегда навешивают топорик. Таков традиционный, привычный облик веддов, по мнению сингалов. «И в этом виде они, — сообщают наши информанты, неодобрительно покачивая головой, — обычно появляются перед публикой»; «...они ходят так и в лесу, и во дворец к президенту — и топорик не снимают» (ПМЭ). Непременное отсутствие верхней части одежды у мужчин в общественных местах считалось обычным лишь для представителей низших каст сингальского общества. А поскольку ведды, по мнению сингалов, близки по своему социальному статусу к высшей касте *гоигамы*, им, соответственно, неприлично появляться «полуголыми».

В качестве одежды ведды-мужчины используют саронг или юбку из зеленых листьев. Юбку, длина которой чуть выше колена, обычно надевают для исполнения ритуальных танцев, песнопений, а иногда для встречи гостей: именно в них ведды, особенно молодые, часто предстают перед туристами в своих деревнях. Сингалы особо отмечают эту юбку, указывая, что это старинное одеяние веддов: «Когда они приезжают на фестиваль, они в листьях; это раньше они листья носили» (ПМЭ). Напомним, что, согласно этнографическим данным, традиционной одеждой веддов служил передник, изготовленный из растительных волокон или хлопчатобумажной ткани.

Другим вариантом мужского костюма является саронг (по-сингальски *сáрама*), который, в отличие от юбки из листьев, сингалы считают своей традиционной одеждой. Однако в наше время большинство горожан носят саронг только в домашней обстановке, сельские же жители продолжают носить саронг как повседневную одежду, но чаще с рубашкой.

Еще одной важной составляющей старинного и современного веддского костюма является бетелевая сумочка — сумка для хранения

жевательной смеси, которую закладывают в складки широкого пояса, завязанного в узел на талии или чуть ниже (Зими́на 2018б: 249). Примечательно, что носят ее не только с так называемой традиционной одеждой — саронгом и юбкой из листьев, — но и с современной: брюками, джинсами, рубашкой или футболкой. Сингалы нередко обращают внимание на то, что бетелевая сумка и специальный широкий пояс для ее ношения — это элемент костюма ведды, что и отличает его от сингальского. Надо сказать, что листья бетеля — излюбленное лакомство веддов, они считаются лучшим подношением вождю всех веддов, вождям поселений и простым веддам, в частности тем, к кому мы отправлялись на беседы.

Однако традиция жевать бетель была характерна и для сингалов тоже. У них же существовала и специальная сумка для принадлежностей для приготовления бетелевой жвачки, которую они носили с собой, и даже широкий пояс, с помощью которого ее переносили. Прежде бетелевая жвачка и предметы с ней связанные играли важную роль в соционормативной жизни, ритуалах и системе ценностей сингалов. Сегодня бетелевые сумки постоянно носят только сингалы сельской местности.

Сингалы, хорошо знающие веддов в повседневной обстановке, отмечают, что «в обычной жизни ведды внешне не очень отличаются от нас, и прическа простая и саронг наш»; «сейчас эта одежда — саронг и сумочка для бетеля на поясе, — это и у нас, и у них» (ПМЭ). Что касается прически, то действительно некогда длинные волосы, распущенные по плечам или собранные на затылке в пучок, считались традиционной прической сингалов-мужчин. Однако в наше время такие прически у сингалов уже почти не встретишь, а длинные волосы стали важной отличительной чертой веддов-мужчин. То же самое можно сказать и о сумочках для бетеля: сингалы в наше время мало пользуются ими, и, повторим, подчеркивают обязательное ее наличие в костюме представителей аборигенного населения.

Некоторые из опрошиваемых указали и на специфику женского одевания, которая заключается в особой любви веддских дам к тренировочным костюмам. По рассказам, в них веддянки ходят и на работу, и на праздники, и занимаются домашними делами.

КАЧЕСТВА И ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ВЕДДОВ

Сингалы всегда особо выделяли физическую силу, ловкость и выносливость веддов. В прошлом они объясняли наличие этих качеств магией. В записях И. П. Минаева находим: «Сингалезцы уверяют, что ведды никогда не моются, опасаясь ослабеть от мытья» (Минаев 1878: 164).

«Ведды — очень сильные, они сильнее сингалов!» — уверяют сингалы и сегодня (ПМЭ). «Мы в детстве слышали, что они [ведды] могут с дерева на дерево прыгнуть, там, с помощью лианы и тому подобное, ходить с одного конца леса до другого конца леса; то есть физически

они были очень сильные», — рассказала информант 1947 года рождения в Канди (ПМЭ). В хорошо сложенном мускулистом теле, которое ведды-мужчины и в наше время не прячут под одеждой, некоторые сингалы также видят подтверждение своим представлениям о силе веддов. Физическое развитие веддов обусловлено, по мнению большинства, подвижной жизнью в джунглях, которые воспринимаются как экологически чистые районы, а также профессиональными занятиями — охотой и скалолазанием. Для того, чтобы жить в джунглях, прокормить себя и свою семью, стать удачливым охотником и скалолазом, ведды с малолетства тренируют необходимые физические качества, ловкость и силу, умение стрелять из лука/ружья, навыки ориентации на местности. Все эти качества, навыки и знания в современном мире необходимы в первую очередь военным. И, по словам сингалов, многие молодые ведды как нельзя лучше соответствуют параметрам, предъявляемым представителям этой профессии, а потому отправляются служить в ланкийскую армию, где их нередко отбирают в элитарные отряды.

В то же время мы находим и информацию о склонности веддов к разбоям и грабежу, что отчасти связано с представлениями о силе и смелости. Один из таких рассказов содержится в книге Р. Нокса: «Прежде, еще в правление этого Короля, дикие люди промышляли тем, что подкарауливали Возчиков, которые на своих быках возили на продажу в Морские Порты бетелевые Орехи, а назад везли Ткани. Они нападали на них и требовали, чтобы те им дали то, в чем они нуждаются, иначе грозились перестрелять их. А те, опасаясь за свою жизнь и не имея возможности дать отпор, были вынуждены отдавать то, что у них требовали; иначе они точно лишились бы жизни и товара» (Нокс 2007: 111).

Известно, что один из веддов по имени Тисагамани, упоминаемый Р. Шпиттелем (Spittel 1927), «был разбойником — он грабил людей и убивал людей <...>, не раз был заключен в тюрьму». Об этом рассказали нам в интервью. Были зафиксированы и другие рассказы о веддах, неоднократно попадавших в тюрьму за воровство и разбой и в прошлом, и в наше время (ПМЭ).

О БОГАТСТВЕ ВЕДДОВ

Авторы монографического труда о веддах супруги Зелигманны (Seligmann 1911), работавшие в этнографической экспедиции на Шри Ланке в 1910 г., записали сингальские предания о том, что ведды прежде были невероятно богаты и имели «драгоценности и горшки чистого золота» (Seligmann 1911: 204). Самим веддам, по словам исследователей, подобные легенды известны не были.

Сегодня среди основного населения острова устойчиво бытует мнение, что нынешний вождь веддов Урувариге Ваннилаэтто — очень богатый

человек. Богатство его заключается в наличии счетов в швейцарских банках, дорогих автомобилях лучших мировых марок и других предметах роскоши, которые, по рассказам, ему дарит президент и известные люди страны; об этом нередко сообщает и пресса. Богатство Урувариге Ваннилатто, по мнению опрошенных, является важной составляющей его личного авторитета среди веддов и сингалов и его влияния на общественное мнение.

Интересно также и шуточное замечание нашего коллеги-переводчика (это представление вообще бытует в сингальской среде): «Ведды теперь ходят в супермаркеты, а остальные питаются тем, что раньше ели ведды» (ПМЭ). Оно отчасти обусловлено тем, что ведды получают от правительства материальную помощь по социальным программам.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЕДДОВ

Сингалы своим прародителем считают Виджаю, царевича северного индийского царства. По преданию, он был изгнан из родных пределов и после долгих морских скитаний вместе со своими спутниками обосновался на Ланке. Но и прародителем веддов, по мнению представителей основного этнического образования острова, является все тот же Виджая. Легенда о том, что ведды — потомки детей, рожденных легендарной демоницей Кувени (или Куванни), дочерью местного вождя, от Виджаи, распространена довольно широко. Она запечатлена в сингальской буддийской хронике Махаванса, с содержанием которой знакомятся обычно еще в школе. Хорошо известны и литературные обработки сюжета истории Кувени. Передавая нам эту историю, связанную с появлением своих предков на острове, сингалы подчеркивают, что считают важным тот факт, что ведды, «если верить нашим хроникам о Кувени, это все-таки дети Виджаи» (ПМЭ). Отсюда и представление о высоком статусе веддов, ведь они, согласно легенде, — братья сингалам. Иногда на основании этой легенды признается и первородство веддов относительно других насельников острова: «Они — первые люди, они — древние люди» (ПМЭ).

РЕЛИГИЯ ВЕДДОВ

Сингалы прекрасно осознают различия, имеющиеся у них с веддами в вопросах веры. В прошлом было широко распространено представление о вере веддов в *яков*-демонов, в которых превращаются их умершие родственники: «Они [ведды] верят, что родители, отец и мать, по смерти делаются демонами, якхами»⁴ [Минаев 1878: 168]. Оно нашло отражение в популярной и научной литературе. Однако *яки* веддов — это духи умерших, которые наделены способностью влиять на жизнь человека

⁴ В сингальском языке дух умершего — «яка», на языке пали — «якха», на санскрите — «якша».

и которым люди поклоняются и приносят подношения. В представлениях сингалов значение термина *яка* шире: это и легендарные *якиши*, «которые в доисторические времена якобы населяли о-в Ланка», и демоны из буддийских текстов, и опасные духи, «о которых устная традиция говорит, что они обитают где-то поблизости и угрожают человеческому благополучию» (Краснодембская 1982: 33).

В среде современных ланкийцев эта точка зрения также преобладает. Зачастую рассказы сингалов о верованиях веддов можно услышать в сравнительном контексте. Приведем примеры. «Умерших они [ведды] превратили в *яков* (то есть демонов), так же, как сингалы превратили своих умерших в богов» (ПМК). «Они танцуют танец *кирикорахе* — это на удачу. Это они так молятся своему Богу. У нас есть свой Бог, у них — свой. Они думают, что человек умрет и становится Богом, либо демоном; вот и молятся, чтоб он стал Богом» (ПМЭ). Некоторые сингалы, особенно те, кто непосредственно находится в контакте с веддами, уверены, что ведды «верят в духов своих предков»; «это их вера, *Нае яку*⁵ — это духи предков. Они поклоняются им, обращаются за помощью к ним, для того, чтобы благополучие было на охоте, при выращивании риса, за здоровьем» (ПМЭ).

В настоящей работе затронуты лишь некоторые аспекты традиционной культуры веддов, которые сингалы выделяли как характерные в прошлом и считают таковыми и сейчас, хотя и отмечают определенные трансформации. Наиболее отчетливо видна здесь специфика хозяйствования и материальной культуры веддов, которая в действительности стремительно уходит в прошлое, ее элементы сохраняются в основном в театрализованном виде. Однако многие представители ланкийского общества продолжают соотносить их и с современным образом жизни этого народа. Скорее всего, для окружающих самым важным признаком народа, считающегося автохтоном острова, была и остается охота, одно из основных традиционных занятий, и все, что с ней связано. А с ней связаны и орудия труда, и традиции питания (мясоедство), и социальная структура, и верования, а также физические и нравственно-этические характеристики, приписываемые веддам, и т. д.

Полевая информация о культуре автохтонов и ее осмыслении сингалами позволила несколько иначе взглянуть на традиционную культуру веддов и на их место в общеланкийской истории и современном обществе. В дальнейшем предполагается рассмотрение и других отличительных особенностей веддов, которые выделяют ланкийцы других этнических образований, в сферах истории, хозяйства, предметов материальной культуры, говоре, структуре социальных взаимоотношений, праздников, обрядов и верований и т. д. Это, несомненно, позволит гораздо

⁵ *Нае яку* — наиболее почитаемая у веддов категория *яков*, в которую включены все умершие члены общины.

глубже проанализировать традиции исторических и современных веддов, а также поможет в поисках ответов на такие вопросы, как вопросы о самосознании веддов, мифо-легендарных сюжетах и реальных представлениях о них, критериях принадлежности к ним в прошлом и в наше время, о судьбе веддов и т. д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Вопросы по теории этнологии и этнографии. URL: www.iskunstvo.info/materials/history/1/etnologija.htm (дата обращения: 21.10.2019).

Драгнов Г. Загадка веддов// Азия и Африка сегодня. 1968. № 4. С. 47–49.

Зими́на Т. А. Автохтоны Шри Ланки: лук, стрелы и топорик в лесном пространстве// Зографский сборник. 2014. Вып. 4. С. 266–277.

Зими́на Т. А. Духи умерших в представлениях и обрядовой жизни веддов (по материалам исторической этнографии и полевых наблюдений)// Зографский сборник. 2016. Вып. 5. С. 212–220.

Зими́на Т. А. Сумки и мешки в культурной традиции веддов// Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии. Материалы XXI международной научной конференции. СПб.: ФГБОУ ВО «СПбГУПТД», 2018. С. 246–251.

Зими́на Т. А. Предметы снаряжения ведды в прошлом и настоящем// Вещь в трансляции этничности: материалы Семнадцатых международных Санкт-Петербургских чтений. СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2018. С. 200–205.

Зими́на Т. А., Краснодембская Н. Г. Ведды (судьба автохтонного населения Шри Ланки к началу XXI в.)// Историческая этнография. 2008. Вып. 3. Малые этнические и этнографические группы. С. 138–145.

Краснодембская Н. Г. Традиционное мировоззрение сингалов. М.: Наука, 1982.

Краснодембская Н. Г., Сенасинха Р. Д. Образ льва в мифологии и символике сингалов Шри Ланки (от предыстории к современности)// Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 72–83.

Краснодембский В. Е. Ведда// Труды архива востоковедов ИВР РАН. Вып. 1. Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944). М.: «Восточная литература» РАН, 2011. С. 204–216.

Кочнев В. И. Ведды// Малые народы Южной Азии. М.: Наука, 1978. С. 196–220.

Маслов Ю. Загадочные ниттаево// Азия и Африка сегодня. 1975. № 7. С. 44–45.

Матюшина З. Путешествие на землю веддов// Азия и Африка сегодня. 1964. № 3. С. 38–41.

Минаев И. П. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. Ч. I. СПб., 1878.

Народы Южной Азии// Народы мира. Этнографические очерки. М., 1963. С. 873–876.

Нокс Р. Историческая повесть о Цейлоне. XVII век./Пер. с английского языка, предл. и комм. Н. Г. Краснодембской. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007

Яковлев В. Г. Легенды и жизнь острова Ланка (по страницам дневника). М.: Наука, 1976.

Dharmadasa K. N. O. The Vedda Language// The Vanishing Aborigines. Sri Lankan Veddas in Transition. Delhi. 1990. Pp. 85–98.

Seligmann C. G. and Br. Z. The Veddas. Cambridge: University Press, 1911.

Spittel R. L. Wild Ceylon. Describing in Particular the Lives of the Present Day Veddas. Colombo, 1927.

THE WAY THE SINHALESE SEE THE VEDDAS: VIEW FROM THE PAST AND PRESENT PERCEPTIONS

ABSTRACT. The article investigates one aspect of the collaboration between two ethnic cultures which co-existed within the island of Sri Lanka. The paper scrutinizes the beliefs of Sinhalese, who are the main inhabitants of this island country, and the Veddas, a small ethnic group, populating the same island and considered to be autochthons of Sri Lanka. These perceptions are evident in an analysis of the well-known historical and ethnographical texts of the second half of the 19th — early 20th centuries as well as in the interviews collected at present time. The Sinhalese have always marked several features of the ethnic image of the Veddas, for example, their outlook, language, a set of cultural, lifestyle, and behavioral traits. The author addresses several of these traits, mainly those which transformation can be traced in time. The analysis of the Sinhalese perceptions of the Veddas allows the author to approach differently the traditional culture of the autochthonous population and the role of these people in the history of Sri Lanka and its modern stage. For instance, it becomes clear why in popular science literature and online sources one can read about near-disappearance of the Veddas, and that those who call themselves the Veddas nowadays only perform as ancestors of the ancient population and recreate the traditional way of life for the tourists. In fact, the primary occupation of the people who consider themselves as autochthons is hunting, but at the present time it is prohibited by the state.

KEY WORDS: Veddas, Sinhalese, Sri Lanka, ethnicity, ethnic image, ethnic characteristics, attributes of ethnic culture

Tatyana A. ZIMINA — Leading Researcher, The Russian Museum of Ethnography (Russia, St. Petersburg)
E-mail: Ziminat@mail.ru

REFERENCES

Dharmadasa K. N. O. The Vedita Language. The Vanishing Aborigines: Sri Lanka's Veditas in Transition. New Delhi: International Centre for Ethnic Studies in association with NORAD and Vikas Pub. House, 1990. (In English).

Dragnov G. [The riddle of the Veditas]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 1968, no. 4, pp. 47–49. (In Russian).

Kochnev V. I. [Veditas]. *Malye narody Yuzhnoj Azii* [Small Peoples of South Asia]. Moscow: Nauka, 1978, pp. 196–220. (In Russian).

Krasnodembskaya N. G. *Tradicionnoe mirovozzrenie singalov* [Traditional Sinhala Worldview]. Moscow: Nauka, 1982. (In Russian).

Krasnodembskaya N. G., Senasinha R. D. [The image of a lion in the mythology and symbolism of Sinhala Sri Lanka (from prehistory to the present)]. *Bestiarij II. Zoomorfizmy Azii: dvizhenie vo vremeni* [Bestiary II. Zoomorphisms of Asia: Time Movement]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2012, pp. 72–83. (In Russian).

Krasnodembskij V. E. [Vedda]. *Trudy arhiva vostokovedov IVR RAS. Vyp. 1. Trudy vostokovedov v gody blokady Leningrada (1941–1944)* [Proceedings of the archive of Orientalists of the IOM RAS. Issue 1. The works of orientologists during the siege of Leningrad (1941–1944)]. Moscow: "Vostochnaya literatura" RAS, 2011, pp. 204–216. (In Russian).

Maslov Yu. [Mysterious nittaevo]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 1975, no. 7, pp. 44–45. (In Russian).

Matyushina Z. [Journey to the land of the Veddas]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 1964, no. 3, pp. 38–41. (In Russian).

Noks R. *Istoricheskaya povest' o Cejlone. 17 vek* [The historical tale of Ceylon. 17 century]. St. Petersburg, 2007. (In Russian).

Spittel R. L. *Wild Ceylon. Describing in Particular the Lives of the Present Day Veddas*. Colombo, 1927. (In English).

Yakovlev V. G. *Legendy i zhizn' ostrova Lanka (po stranicam dnevnika)* [Legends and life of the island of Lanka (through the pages of the diary)]. Moscow: Nauka, 1976.

Zimina T. A. [Autochthons of Sri Lanka: bow, arrows and hatchet in the forest]. *Zografskij sbornik* [Zograph collection], 2014, no. 4, pp. 266–277. (In Russian).

Zimina T. A. [Bags and sacks in the cultural tradition of the Veddas]. *Moda i dizajn: istoricheskij opyt — novye tekhnologii: materialy 21 mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Fashion and design: historical experience — new technologies: materials of the XXI international scientific conference]. St. Petersburg: FGBOU VO "SPbGUPTD", 2018, pp. 246–251. (In Russian).

Zimina T. A. [Spirits of the deceased in the ideas and ceremonial life of the Veddas (based on historical ethnography and field observations)]. *Zografskij sbornik* [Zograph collection], 2016, no. 5, pp. 212–220. (In Russian).

Zimina T. A. [Vedda Past and Present Items]. *Veshch' v translyacii etnichnosti: Materialy Semnadcatyh mezhdunarodnyh sankt-peterburgskih chtenij* [The thing about broadcasting ethnicity: Proceedings of the Seventeenth International St. Petersburg Readings]. St. Petersburg: IPTS SPGUTD, 2018, pp. 200–205. (In Russian).

Zimina T. A., Krasnodembskaya N. G. [Veddas (the fate of the autochthonous population of Sri Lanka by the beginning of the 21st century)]. *Istoricheskaya etnografiya* [Historical ethnography], 2008, no. 3, pp. 138–145. (In Russian).